

ИЗВЕСТИЯ АКАДЕМИИ НАУК СССР ОТДЕЛЕНИЕ ЛИТЕРАТУРЫ И ЯЗЫКА

1962, том XXI, вып. 1

январь — февраль

ВКЛАД В СОКРОВИЩНИЦУ ПУШКИНСКИХ ФОНДОВ

Годовщина рождения А. С. Пушкина — 6 июня 1961 г., — стала днем рождения музея великого поэта на его родине в Москве.

Музей — это прежде всего собрание подлинных материалов.

Так называемая «собираТЕЛЬская работа» с самых первых дней существования коллектива стала главной, от нее зависела судьба музея; она не прекращалась и тогда, когда экспозиция в основном была построена; продолжается она и после открытия.

Огромная заинтересованность широкой общественности в новом музее Пушкина сказалась в том, что в период подготовки к открытию музей получил около двухсот даров от частных лиц; более двухсот музеев и библиотек отозвались на нашу просьбу помочь материалами.

Задача этой статьи — дать обзор наиболее интересных поступлений в музей за 1958—1961 гг., которые являются новым вкладом в общую сокровищницу пушкинских фондов. Сюда включаются ранее неизвестные или долгое время находившиеся в забвении материалы.

Для обзора отобрано лишь то, что составляет ядро фондов музея. Это иконография Пушкина первой половины XIX в., иконография лиц его ближайшего окружения, мемориальные вещи поэта и его друзей и иконография Пушкина советского периода. Мы совсем опускаем такие группы материалов, как виды пушкинских мест, изображения интерьеров, мебель, предметы убранства, книги, альбомы и рукописные материалы. В изобразительных фондах музея насчитывается сейчас около 5 тысяч единиц хранения, среди которых живопись, акварель и рисунок составляют около 700 единиц. Из этих цифр ясно, что невозможно было бы включить в один обзор даже частично все группы материалов, собранных музеем.

Московский музей А. С. Пушкина, к сожалению, не богат мемориальными вещами. Самые ценные реликвии — это мемориальная конторка и перо из фондов Всесоюзного музея А. С. Пушкина, прядь волос поэта из музея МХАТ. Много лет она хранилась К. С. Станиславским. На старинном пожелтевшем листе плотной бумаги, к которому прикреплена прядь, имеется надпись: «Снято с головы поэта тотчас после его кончины Петром Максимовичем Куницким». Локон помещен в экспозиции рядом с посмертной маской Пушкина.

Коллектив музея был глубоко тронут и даром, принесенным в музей профессором медицины А. А. Арендтом, потомком лейб-медика Н. Ф. Арендта, пользовавшегося раненого Пушкина. Это — шкатулка красного дерева со многими отделениями для инструментов и медикаментов; она находилась в квартире поэта в трагические дни 27—29 января 1837 г.

Писательница Е. Ф. Никитина передала музею кожаный футляр для чашки с бисерной вышивкой. По рассказу Е. Ф. Никитиной, этот футляр был получен ею от внука Пушкина — Григория Александровича и является подарком Александры Николаевны Гончаровой Пушкину. Ее руками сделана вышивка, изображающая камергерский ключ и стража, стоящего у входа во дворец. Эти мотивы, вероятно, обыгрывали назначение Пушкина камер-юнкером. По семейному преданию, рассказанному Григорием Александровичем Е. Ф. Никитиной, Пушкин был рассержен этим подарком.

Внимание посетителей — такова притягательная сила мемориальных вещей — привлекают предметы, принадлежавшие и близким Пушкину людям.

В биографическом разделе 1830—1831 гг. представлены мебель и вещи из имения Гончаровых Полотняный завод, где Пушкин бывал дважды: два столика «бобика», инкрустированные деревом различных пород, стул из парадного зала (белый, под левкас), макет крепостного оркестра, выполненный из воска, очевидно, руками крепостных же. Вещи получены из Калужского областного краеведческого музея, откуда поступил также труд И. И. Голикова «Деяния Петра Великого» (Москва, 1791) с владельческой надписью деда Н. Н. Гончаровой — Афанасия Николаевича Гончарова. Известно, что Пушкин пользовался библиотекой Полотняного завода.

Раменский краеведческий музей передал для экспонирования мебель — гарнитур карельской березы работы русских мастеров конца XVIII в. из имения Марьино бывшего Бронницкого уезда Московской губернии, где жил декабрист и «первый друг» Пушкина — И. И. Пущин.

Напоминанием о гостеприимном московском доме Ушаковых на Средней Пресне, в котором Пушкин провел много счастливых часов, служит инкрустированный дам-



Шкатулка хирурга Н. Ф. Арендта, бывшая в доме
Пушкина на Мойке 27—29 января 1837 г.

ский письменный столик с ажурной бронзовой решеткой. Быть может, именно за этим столиком были сделаны Пушкиным какие-нибудь из рисунков в альбоме Елизаветы Николаевны, получившем название «ушаковского». Столик получен от внука Ел. Н. Ушаковой — Д. Н. Киселева.

Собран музеем ряд вещей из подмосковного имения Вяземских Остафьево, где Пушкин бывал в 1830—1831 гг. Здесь портрет А. С. Пушкина, личный стол П. А. Вяземского карельской березы; материалы к биографии Пушкина, изданные П. В. Анненковым с пометами на полях, сделанными старческой рукой Вяземского; два кресла из парадного зала; инкрустированный дамский столик для рукоделия; бисерная шкатулка В. Ф. Вяземской. В музее имеется также прекрасное инкрустированное различными породами дерева бюро из Остафьева (раздел «Евгений Онегин»).

Из книг упомянем лишь несколько мемориальных экземпляров с автографами: парижское издание сборника французских пьес с владельческой надписью В. Л. Пушкина; «Урок кокеткам, или Липецкие воды» А. А. Шаховского (СПб., 1815) с дарственной надписью автора Г. Р. Державину; «Илиада» Гомера на греческом языке с дарственной надписью П. Ф. Кошанского П. Георгиевскому; «Баллады и повести» (ч. 1, СПб., 1831) и «Ундина» (СПб., 1837) В. А. Жуковского с его дарственными надписями — первая — «Сказочнику от балладника», вторая — «Другу Тургеневу от Жуковского (1799—1837)» и (в память о Пушкине).

Большого внимания заслуживает иконография поэта и лиц его окружения первой половины XIX в.¹

¹ Приносим глубокую благодарность товарищам, оказавшим музею помощь в определении изобразительных и иконографических материалов (в частности тех, которые вошли в этот обзор) — Э. Н. Ацаркиной, М. Ю. Барановской, Я. Г. Заку, В. С. Лаврентьеву, В. С. Попову и Т. Г. Цявловской.

Понятно, что было мало надежды пополнить иконографию поэта прижизненными портретами. Тем более нас обрадовал детский портрет, изображающий поэта в возрасте 2—2,5 лет. Миниатюра (масло, овальная металлическая пластинка) сделана в первые годы XIX в. неизвестным художником, судя по его манере — мастером последней трети XVIII в.

Голова изображенного на портрете мальчика слегка повернута вправо, серо-голубые глаза широко открыты. Его золотистые вьющиеся волосы тщательно пригладжены, но по отдельным приподнявшимся от головы прядям видно, что скоро они опять круто завьются. На мальчике белая батистовая рубашечка по моде начала века. Лицо ребенка имеет характерные «ганнибаловские» черты.

По преданию, миниатюра была подарена матерью поэта единственной дочери Мудрова, домашнего врача и хорошего знакомого Пушкиных, — Софье Матвеевне Мудровой. Миниатюра хранилась в семье Мудровых, переходя из поколения в поколение².

В 1950 г. во время гастролей театра им. Ермоловой в Ленинграде правнучка С. М. Мудровой подарила этот портрет народному артисту РСФСР В. С. Якуту — исполнителю роли Пушкина в спектакле, поставленном по пьесе А. Глобы. Миниатюра любезно предоставлена В. С. Якутом для экспонирования в музее.

Вторая интересная находка — прижизненная уменьшенная копия с портрета Пушкина работы В. А. Тропинина. Она сделана (или заказана) Авдотьей Петровной Елагиной в 1828 г., о чем свидетельствует друг Пушкина С. А. Соболевский в собственноручной надписи на картонном заднике. Как он пишет, копия была сделана «по случаю отъезда Соболевского в чужие края». А. П. Елагина — хорошая знакомая Соболевского, мать П. В. и И. В. Киреевских. Пушкин бывал в ее доме в Москве у Красных ворот, сохранившемся и поныне. Копия имеет не только мемориальную и документальную, но и художественную ценность. Портрет приобретен у правнучка А. П. Елагиной.

Следующие три портрета относятся к концу 1830-х или началу 1840-х годов. Все они повторяют портрет работы Кипренского с незначительными вариациями.

Мемориальную ценность имеет небольшой погрудный портрет Пушкина (холст, масло) из имени Вяземских Остафьево. Трактовка лица поэта (овал, рисунок рта), а также самостоятельное цветовое решение позволяют думать, что портрет написан не по Кипренскому, а по гравюре Н. И. Уткина, сделанной в 1828 г. для альманаха А. А. Дельвига «Северные цветы». Заметно, что художник, следуя в целом гравюре, внес некоторые изменения в облик поэта. На Остафьевском портрете нет тех пышных вьющихся волос и больших бакенбард, которые были у Пушкина в 1826—1827 гг. и изображены на портретах этого времени.

Сделан ли Остафьевский портрет Пушкина еще при жизни его или после смерти, — сказать трудно. Во всяком случае он не переходит границ 1840-х годов. Портрет всегда находился в Остафьеве и сохранил инвентарный номер по охранной описи 1918 г. Он передан нам из Московского областного краеведческого музея в Истре.

Большим мастерством отмечен миниатюрный портрет поэта (картон, масло), очевидно, также восходящий к гравюре Уткина. В правом углу имеется подпись «К. Брюллов», благодаря которой портрет приписывался ранее кисти этого художника. Однако Н. Лернер в статье «Лже-брюлловский портрет Пушкина» («Русская старина», 1911, декабрь) убедительно отверг авторство Брюллова, который не стал бы идти вслед Кипренскому или Уткину, и доказал поддельность подписи. Так называемый лже-брюлловский портрет экспонировался на московской Пушкинской выставке 1880 г., в альбоме которой он воспроизведен впервые (М., 1882), а затем был показан на московской выставке 1899 г.

Изображение Пушкина на этой миниатюре позволяет думать, что она написана художником, видевшим Пушкина и привнесшим в портрет свои личные наблюдения и свое восприятие облика поэта в последние годы его жизни. Лицо усталое и печальное, почти скорбное, поредевшие волосы. Впечатление усталости и неудовлетворенности усиливается мрачным колоритом портрета. По сравнению с портретом Кипренского, художник сгущает фон, делает более темным цвет сюртука, волос, совершенно отказывается от красного цвета в накинутом на плечо плаще. Специальное исследование портрета показало, что его следует отнести к 1840-м гг., а надпись «К. Брюллов» сделана в позднейшие годы. Портрет поступил в музей из частного собрания.

Последний, третий, портрет из числа восходящих к типу Кипренского изображает поэта в той же позе, но отступает в изображении костюма. Это костюм начала 1820-х годов: открытый сюртук, в батистовой манишке золотая булавка, жесткий стоячий воротник, поддерживаемый туго стянутым галстуком без банта. Поза и поворот те же, что на портрете Кипренского, с той только разницей, что руки скрещены иначе и видны пальцы не правой, а левой руки. Портрет уступает по своим художественным качествам двум предыдущим. Индивидуальные черты на этом портрете стерты, огчено уменьшается сходство. Однако портрет интересен как попытка дать Пушкина более молодым, чем на портрете Кипренского. Портрет поступил в музей из Всесоюзной библиотеки им. В. И. Ленина.

Все три описанных портрета свидетельствуют о популярности Пушкина и большой любви к нему современников, желавших иметь у себя изображения поэта.

² Детскому портрету Пушкина посвящается отдельная работа.



А. С. ПУШКИН.

Копия *Е. П. Елагиной* с портрета *В. А. Тропицина*. Масло. 1828 г.



М. П. РАЕВСКАЯ.

Неизвестный художник. Перо. Акварель. 1820-е гг.



Е. М. ХИТРОВО.
О. А. Кипренский. Итальянский карандаш. 1810-е гг.



В. П. ГОРЧАКОВ.
Н. Н. Тихобразов. Тушь. 1945 г.

В Остафьеве хранился также и бронзовый барельеф Пушкина в профиль чеканной работы, в котором чувствуется рука мастера. Трактовка образа поэта близка к скульптуре С. И. Гальберга. Однако от каких-либо соображений относительно автора пока следует воздержаться. Барельеф приобретен от праправнука П. А. Вяземского, и принадлежность его Вяземским не вызывает никаких сомнений.

К ценным приобретениям музея относятся портреты русских писателей-современников Пушкина, с которыми он был лично знаком.



П. А. ВЯЗЕМСКИЙ

Неизвестный художник. 1870-е гг.

Среди них портреты поэта И. И. Дмитриева. А. С. Пушкин знал Дмитриева с детства. К детским годам Пушкина близко миниатюрное изображение Дмитриева, сделанное неизвестным художником (живопись на кости), относящееся к 1797—1801 гг. Дмитриев изображен здесь в гражданском мундире павловского времени и в шляпке-треуголке на наудренных волосах, с орденом Анны II степени на красно-желтой ленте. Этим орденом он был награжден в 1797 г. (год коронации Павла), следовательно, портрет не мог быть сделан раньше.

Второй портрет (маслом на холсте) неизвестного художника изображает Дмитриева в сенаторском мундире (1806 г.). Он идет из Остафьева.

Третий портрет Дмитриева работы В. А. Тропинина (холст, масло) изображает его в более поздние годы, когда писатель был уже министром юстиции.

Портрет Н. М. Карамзина (холст, масло) представляет, по всей вероятности, уменьшенный вариант Ж. Дамона (1800-е годы). Высокие художественные качества портрета и характер живописи позволяют высказать это соображение.

Интересен писанный с натуры небольшой портрет В. А. Жуковского работы немецкого художника Ф.-Т. Гильдебрандта (дерево, масло). Портрет предположительно был сделан в Дюссельдорфе в 1844 г. и подарен Жуковским его родственнице А. П. Елагиной. Как указывает надпись на оборотной стороне портрета, он хранился в усадьбе Елагиных «Петрицево», а затем перешел к Марии Васильевне Елагиной, в замужестве Безр, у которой был приобретен известным пушкинистом П. И. Баргеновым. Портрет этот считается наиболее достоверным изображением и, возможно, является подготовкой к большому портрету Жуковского работы Гильдебрандта.

Не был ранее известен небольшой карандашный набросок П. А. Вяземского в старости, помещенный на листке с другими набросками женских и мужских лиц и фигур. Рисунок сделан, очевидно, где-то в обществе, когда Вяземский и не предполагал, что его рисуют. Это профильное погрудное изображение. Вяземский — глубокий старик, обрюзгший и сутулый.

Музеем найдены также оригинальные портреты других писателей-современников Пушкина — Н. М. Языкова, П. В. Киреевского, П. И. Шаликова, Ф. В. Булгарина.

Познакомимся с наиболее интересным иконографическим материалом из раздела «окружение Пушкина». Назовем здесь также лишь те портреты, которые не были ранее известны или же оказались забытыми, так как являлись семейным достоянием, или же находились в частных собраниях и не были доступны для обозрения.

Портрет первого директора лицея В. Ф. Малиновского (картон, масло) пришел в музей от его потомков. Портрет относится к началу XIX в. Художник неизвестен. Малиновский изображен сидящим в кресле у стола, на котором лежит стопка испианных листов бумаги и табакерка.

Александр Павлович Бакунин, лицейский товарищ Пушкина, брат Екатерины Павловны Бакуниной, в которую был влюблен Пушкин в лицейские годы. Портрет, сделанный художником-дилетантом в конце 1820-х годов, может быть, Е. П. Бакуниной, представляет собой рисунок цветными карандашами и пастелью. Он приобретен у потомков Бакуниной.

Из этого же источника идет и альбом Екатерины Павловны, принесенный в дар музею его соотрудником Ф. Е. Вишневым. Личный альбом Бакуниной представляет большую ценность. В нем находится ее портрет, где она изображена совсем юной девушкой (альбом 1810-х гг.). Это легкий карандашный рисунок в профиль; она изображена в домашнем платье, с простой небрежной прической — волосами, приподнятыми кверху и перевязанными лентой. Через два листа находится пейзажная зарисовка О. Кипренского, подписанная его монограммой.

Не является ли портрет Бакуниной рисунком Кипренского? Не может ли рисунок быть автопортретом? Ответ на эти вопросы даст дальнейшее изучение. Главная ценность портрета, находящегося в альбоме, в том, что он передает девичье обаяние Бакуниной и ближе всего по времени к 1815 г., когда в своем дневнике и стихах поэт писал о «милой Бакуниной» и своей любви.

К известным портретам Никиты Всеволодовича Всеволожского — одного из основателей общества «Зеленая лампа» и хозяина дома, где собирались «лампаисты», — прибавляется еще один, приобретенный музеем, — это акварель работы художника М. П. Вишневецкого 1836 г.

В одном из государственных хранилищ был обнаружен портрет М. Н. Раевской, в замужестве Волконской. Этот небольшой рисунок, слегка полупеченный акварелью, хорошо передает своеобразную прелесть ее черт. Портрет может быть отнесен к концу 1820-х годов.

С Александром Николаевичем Раевским Пушкин сблизился в годы южной ссылки. Известно, что ему посвящено стихотворение «Демон». Музеем приобретен большой портрет А. Н. Раевского (холст, масло) кисти неизвестного мастера 1840-х годов, судя по живописи — иностранца. Тожество изображаемого на портрете лица с известным портретом Раевского в халате (акварель) — бесспорно: длинные характерно очерченные губы, крупный нос. На нашем портрете, выдержанном в темных тонах, подчеркивается «демоничность» Раевского. Он дан в рост, в плаще, со скрещенными руками, его взгляд устремлен прямо на зрителя. Пустынный пейзаж, выбранный в качестве фона, усиливает впечатление.

Поступивший в музей портрет другого «южного» знакомого Пушкина — Владимира Петровича Горчакова — рисунок художника Н. Н. Тихобразова (тушь), подписан и датирован 1845 г. Он впервые знакомит нас с кишиневским приятелем Пушкина, внешность которого была известна ранее лишь по описанию.

В музее имеются два портрета Веры Федоровны Вяземской работы художника А. Молиари — акварель и миниатюра (темпера на костяной пластине). Миниатюра была сделана в 1809 г. до замужества Веры Федоровны, когда она была еще княжной Гагариной. Этот портрет опубликован в одном из выпусков «Остафьевского архива». Акварель — вариант уже известного портрета 1810-х годов.

Интересная находка Я. Г. Зака привела к портретам Е. К. Воронцовой еще одно изображение: это авторская копия (гипсовый листик) с инталы знаменитого резчика Иоганна Пихлера, сделанной в 1820-х годах.

Большую ценность представляют приобретенные музеем «оленинские» материалы, находившиеся когда-то у известного собирателя А. К. Пожарского и выставленные на московской Пушкинской выставке 1899 г. Тогда же они и были репродуцированы.

Долгие годы о них ничего не было известно, и, наконец, они обнаружилились. Это три вещи: акварель художника И. А. Иванова 1825 г., изображающая дом в Приютино (имении А. Н. Оленина под Петербургом) и семью Олениных на переднем плане, акварель неизвестного художника — гостиная Олениных и собравшаяся в ней общество, в котором можно узнать ряд знакомых лиц, и самая значительная вещь — портрет Анны Алексеевны Олениной, рисунок Г. Г. Гагарина, сделанный в При-

ютные и датированный 4 июня 1833 г. Обе акварели и рисунок представляют большой интерес и по значению Олениной в творчестве Пушкина, и по тому месту, какое занимал дом Олениных в культурной жизни петербургского общества в первой четверти XIX в.³

Кроме рисунка Гагарина в музее имеется еще два портрета А. А. Олениной: акварель работы В. Гау 1839 г., переданная в музей Пушкина в порядке обмена из Киевского музея русского искусства, и портрет маслом конца 1850-х годов, идущий от правнучки Олениной (в замужестве Андро).

Блестящим мастерством отмечен портрет Елизаветы Михайловны Хитрово, исполненный О. А. Кипренским и им подписанный (итальянский карандаш). Это несколько романтизированное изображение приятельницы и поклонницы Пушкина относится к 1810-м годам и является самым ранним ее портретом (до сих пор были известны только портреты, относящиеся к последним годам жизни). В портрете ясно выступает сходство с ее отцом М. И. Голенищевым-Кутузовым. Рисунок репродуцирован А. А. Сидоровым в книге «Рисунки старых русских мастеров» (М., 1956).

Литературными интересами был связан Пушкин со знаменитой «кавалерист-девицей» Н. А. Дуровой, записки которой опубликовал в первом номере своего журнала «Современник». В музей поступили два ее портрета. Рисунок известного портретиста В. Гау, датированный 1837 г., изображает Дурову в мужском костюме с георгиевским крестом на груди, с коротко подстриженными волосами.

Художник вносит в ее облик много женственности и мягкости, которая передается и легкими завитками волос, и большими глазами с задумчивым взглядом, и нежным очертанием рта. Совсем иной выглядит Дурова на миниатюрном портрете (металлическая пластинка, масло) неизвестного художника конца 1810-х — начала 1820-х годов, где она изображена вскоре после выхода в отставку (1816) в мужском гражданском костюме. Черты ее лица на миниатюре мужественны и резки.

Заканчивая этот общий и краткий обзор иконографического материала первой половины XIX в., надо сказать, что он не исчерпывает всего, что принадлежит к неизвестным ранее или давно забытым материалам, собранным музеем.

Фонды музея вносят также немалый вклад в советскую изобразительную пушкиниану.

Кроме известных вещей, относящихся к классике советского искусства, таких, как портреты Пушкина работы П. Я. Павлинова, Л. С. Хижинского, В. Н. Домогацкого, Н. П. Ульянова и др., как иллюстрации к пушкинским произведениям В. А. Фаворского, А. И. Кравченко, Н. В. Кузьмина, в фонды музея поступили ранее неопубликованные работы.

К ним относится карандашный рисунок 1936 г. Ульянова, подаренный музеем В. Е. Ульяновой. Пушкин изображен в халате, во взоре поэта задумчивость и вдохновенность, голова устало опирается на руку. Простота рисунка отнюдь не противоречит сложности образа, подчеркивая его лиричность.

Из новых портретов Пушкина надо отметить своеобразный портрет работы В. И. Шухаева (сангина), выполненный для музея в 1960 г. Шухаева давно привлекает образ поэта (в музее имеется еще один портрет Пушкина его работы 1936 г.). Созданный им для музея большой композиционный портрет — лучшее в его пушкинской серии. Пушкин изображен здесь в последние годы жизни. Художник глубоко передает состояние серьезных и, может быть, невеселых раздумий. Костюм поэта, фрак, галстук намечены очень легко, одним контуром, а голова и руки выделены цветом и детально проработаны. Непринужденное изящество линий, тонкая светотеневая градировка позволили художнику создать подлинно гармоничный образ.

Новой работой лауреата Ленинской премии скульптора М. К. Аникушина является мраморный бюст Пушкина, которым открывается экспозиция музея. Вновь созданный образ — образ великого поэта, вместе с тем человеческий, теплый. Как и в других лучших работах М. К. Аникушина, в этом портрете покоряет большая внутренняя взволнованность и иконографическая убедительность.

В музее экспонирован также вариант (бронза) в сильно уменьшенном размере известного и полюбившегося нашим современникам аникушинского памятника Пушкину в Ленинграде.

Привлекает внимание бронзовая модель памятника Пушкину, недавно открытого в Киеве. Автору — украинскому скульптору А. А. Ковалеву удалось создать сдержанный, но очень лирический, полный благородства образ.

Много и плодотворно работает над образом Пушкина Е. Ф. Белашова. В музее хранятся три портрета ее работы: бронзовый бюст 1954 г., подаренный ею музею, бронзовый композиционный портрет 1957 г. и мраморный портрет Пушкина-лицеиста 1960 г. Наиболее значительный из них — бронзовый композиционный портрет 1957 г. — экспонирован в самом большом зале у стенда «Пушкин и декабристы».

Размер статьи не позволяет даже коротко ознакомиться читателя с такими интересными произведениями, как композиционная скульптура Пушкина, выполненная нашим старейшим ваятелем С. Т. Коненковым, портрет Пушкина-лицеиста работы скульптора З. Г. Ивановой и др.

³ Этим материалам будет посвящена отдельная работа науч. сотрудник музея Е. В. Павловой.

Много нового собрано музеем в разделе иллюстраций советского времени. Прежде всего следует выделить серию иллюстраций талантливого молдавского графика К. Т. Богдеско к поэме «Цыганы». Все прежние иллюстрации к «Цыганам» отличались либо подчеркнутым этнографизмом, либо театральной экспрессией. Пщательное изучение материала, многолетняя работа позволили художнику найти глубокое и эмоциональное решение. Он создает романтические и впечатляющие образы главных героев поэмы — Земфиры и Алеко. Богдеско органично и с большим тактом включает пейзаж в эмоциональную характеристику действия (листы «У костра», «Алеко и Земфира» и др.).

Еще одна новая работа. В острых рисунках пером, немного напоминающих по стилю рисунки Пушкина, можно легко узнать графическую манеру Н. В. Кузьмина. Полны непосредственности, легкого юмора его иллюстрации к «Графу Нулину».

Музею удалось приобрести одну из иллюстраций А. М. Капевского к «Сказке о попе и работнике его Балде», несколько работ крупного эстонского графика Э. К. Окаса, иллюстрирующих сказку о «Царе Салтане». Этой же сказке посвящены новые работы (гуашь) В. А. Милашевского, В. В. Фаворской. Свообразны и малоизвестны иллюстрации к сказкам, выполненные в 1940 г. К. В. Кузнецовым.

В фондах музея хранится также одна из последних работ В. А. Мавриной — иллюстрация к прологу поэмы «Руслан и Людмила». Богатые фантазией, красочные, очень поэтичные, они прекрасно передают сказочный дух пушкинского вступления к поэме.

Продолжает привлекать внимание художников и драматургия Пушкина. А. П. Бубнов проиллюстрировал «Бориса Годунова». Листы Бубнова не равноценны по своим художественным качествам и степени раскрытия пушкинских образов. В сцене «Мужик на амвоне» художник не нашел меру экспрессии, лист чрезмерно перенасыщен движением. Намного удачней лист «Шуйский и Воротынский», привлекающий острой обрисовкой характеров.

Немало в музее иллюстраций, выполненных в технике деревянной гравюры. Обращают на себя внимание тонкие гравюры М. И. Полякова (серия иллюстраций к различным произведениям Пушкина). Его лист к «Медному всаднику» (сцена погоны) близок по своему драматизму к знаменитой иллюстрации на эту же тему художника А. Н. Бенуа.

* * *

Заканчивая этот первый и самый общий обзор наиболее интересного и ценного из собранного московским музеем А. С. Пушкина, хочется обратить внимание на то, что большая часть перечисленных вещей впервые попала в государственное хранилище и впервые выставлена для обозрения.

Описание и изучение собранного материала — следующий этап обнаружения музейных ценностей, к которому коллектив музея только лишь приступает.

А. З. Крейн, Н. В. Баранская, И. Е. Вучетич